

ТРАМВАЙ В ТУМАНЕ

«Актеры — не домашние животные, а я — не хозяин им», — говорит режиссер Борис Мильграм

Независимая газ. 1996-12 сент. - с. 7.

Ольга Богомолова

Рефлексия

-ЕЩЕ В ПРОШЛОМ сезоне в театре имени Моссовета вы должны были выпустить спектакль «Горе от ума». Где он?

— Репетиции остановлены. Это сложно рассказывать, но работа отложена. Я по-прежнему мечтаю поставить эту пьесу — мне кажется, что она современна и такой спектакль мог бы поразить зрителя.

— Разве публику нужно поражать?

— Это входит в профессию, это является функцией театра. Людей, которые приходят сюда, конечно, нужно поражать. Они этого хотят.

— Но это — теория, а каковы ваши взаимоотношения с публикой на практике?

— По-моему, хорошие. У меня, и правда, есть работы, предназначенные для узкого круга зрителей, хотя мне кажется, что я делаю их для всех. Когда ставил «Первую любовь» — не понимал, а когда потом посмотрел — увидел, что это спектакль для немногих. То же самое произошло с фильмом «Бред вдвоем», а вот «Школа жен» стала чем-то вроде шлягера. Но сам я цену своей работы одинаково — просто одни тоньше и интимнее других. Каждый спектакль для меня — это некая внутренняя акция. Например, «Первая любовь» была расставанием с Анатолием Васильевым, выходом из инкубатора. Но это все — абсолютно личные мотивы, о которых я не заявляю. Мне кажется, что пажонство — театральное пажонство — мне вообще не свойственно. Хотя я люблю успех и страдаю от его отсутствия.

— Тем не менее, в позиции «быть широко известным в узких кругах», быть ценным немногими специалистами есть определенное пажонство и, может быть, тщеславие.

— Мне не нужно, чтобы меня ценили специалисты — я достаточно известный специалист,

чтобы сам себя ценить. А служить знатокам — это скучно.

— На фоне предыдущих спектаклей «Овечка» в антрепризе «Арт-клуб XXI» выглядит суперкоммерческим проектом.

— Я в коммерции ничего не понимаю. Я никогда не исхожу из того, что спектакль должен иметь коммерческий успех.

— И все же не в первый раз вы приглашаете в свои спектакли актеров-звезд — Лию Ахеджакову, Геннадия Хазанова, теперь Инну Чурикову и Гедиминаса Таранду.

— В первом случае это Ахеджакова и Хазанов пригласили меня. А Чурикову и Таранду действительно пригласил я, но я именно таким увидел этот спектакль. Я думал, что первый акт должен быть балетным, и поэтому возник Таранда, а когда я представил себе Чурикову в роли Лии, то влюбился в эту идею так же, как и в пьесу.

— Чем отличается работа в антрепризе от работы в государственном театре?

— По сути — ничем. Одно от другого отличается способами осуществления. Антреприза сегодня дает дополнительные возможности, пространство для свободного дыхания. Я могу сделать то, что хочу, и в этом нет ничего нереального. Могу поставить необычный и рискованный спектакль, который вряд ли возможен в стационарном театре. Хотя большинство антреприз сейчас находятся в несколько не-

Борис Мильграм (р. 1954) в 1983 году защитил кандидатскую диссертацию в области химической технологии. В 1984—1989 гг. учился на режиссерском факультете ГИТИСа им. А.В. Луначарского (курс А.А. Васильева). В 1987 г. организовал и возглавил Новый Молодежный театр (г. Пермь), где за четыре года поставил ряд спектаклей — наиболее известный из них, «Случай в зоопарке», с успехом был показан во многих странах мира. С 1992 г. работает в Московском театре им. Моссовета. Помимо драматических ставит оперные спектакли: «Мастер и Маргарита» С. Слонимского (1991 г., Золотая медаль Дрезденского фестиваля), «Орфей» К. Глюка (1993 г., Санкт-Петербург, Эрмитажный театр). Поставил также спектакли «Первая любовь» Сэмюэля Беккета (1992), «Кто боится Вирджинии Вульф?» Эдварда Олби (1992), телевизионный фильм «Бред вдвоем» Эжена Ионеско (1995) на музыку Владимира Чекакина с участием Лии Ахеджаковой, Геннадия Хазанова. В настоящее время в театре им. Моссовета идет его спектакль «Школа жен» (1994). В этом году выпустил с Лией Ахеджаковой и Михаилом Жигаловым «Персидскую сирень» Николая Коляды. А сегодня вечером в театре им. Моссовета будет сыграна премьера нового спектакля — «Овечка» по пьесе Надежды Птушкиной.

доразвитом состоянии — антрепренеры уже поняли, что театром можно и нужно зарабатывать деньги, но еще не поняли, как это делать.

— Вы часто работаете в антрепризах, вас можно назвать «блуждающим» режиссером. У вас есть чувство ответственности за тех людей, с которыми вы работаете?

— Актеры — не домашние животные, а я — не хозяин им. У каждого из нас — своя жизнь и своя творческая судьба, и она либо складывается, либо — нет. Ответственность — вещь лукавая. Вот был у меня свой театр, который я создал в Перми в 1987 году. Четыре года его существования я отвечал за всех артистов и за театр, который никто не содержал. Но это превратилось в бессмыслицу, потому что я уже не понимал, что делать с этой ответственностью. И когда я оказался в Москве, театр исчез. И мне не стыдно: ну что было бы от того, что я сидел бы и чувствовал ответственность? Ответственность — штука тонкая. Ответственным можно быть перед Богом, а не перед человеком. Иначе получается круговая порука.

— Неужели не хочется иметь рядом людей, которые вас понимают, — единомышленников?

— Хочется. Они у меня есть, пока я работаю. Репетируют

«Школу жен» — было ощущение воодушевления, единения. Репетировали «Горе от ума», «Овечку» — то же самое. Но это единение возникает, когда люди собираются на конкретную работу. А потом оно исчезает, и я чувствую близость в работе с новыми людьми. Спектакли начинают жить своей жизнью, и я вижу, что они лучше и умнее меня, и я теряю связь с ними. Спектакли вырастают, как дети.

У меня нет команды — она не сложилась. И придумать ее нельзя — она сама должна родиться. Я много работал с Аллой Коженковой, но сейчас мы пришли к кризису в наших отношениях — я надеюсь, что мы отдохнем друг от друга. Я очень хочу дальше работать с художником Юрой Хариковым, хочу работать с Володей Чекасиным. Но одного хотения мало. Возможно, у меня плохой характер, возможно, я не умею держать вокруг себя людей. Я бегу, бегу за театром, а он — как трамвай в тумане: ты его слышишь, но не видишь. Ты бежишь за ним на слух, а туман такой плотный, что, даже заскочив на подножку, ты видишь только то, что рядом. И опять все на слух.

У меня есть только ощущение театра. И есть идеи, которые надо воплотить.